

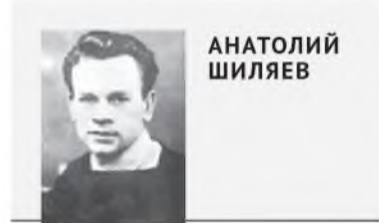
В краю Тургенева и Фета

«Твои глаза, как две большие грусти...»

Ещё холодно, снег лежит кругом, река не свободна, но звонко поёт синица, и вся эта городская картина наполняется предвестием весны, согревает, пусть не солнцем пока, а предчувствиями, но они обязательно оправдаются, и весна наступит!

Поэзия, весна, любовь — эти слова неразрывно ассоциируются с женским началом. Женщина — вдохновительница любви, значит, и поэзии. И с этим нельзя не согласиться, читая стихи больших и светлых поэтов Орловщины.

АНАТОЛИЙ ШИЛЯЕВ

Последний снег.
В его прощальном хрусте
Мне песня лебединая слышна.

Твои глаза,
Как две большие грусти,
И в них плывёт,
Качается весна.

Зачем грустить?
Всё в жизни повторится:
И этот снег,
И расставаний боль,

И лишь, как сон,
Блуждающий в ресницах,
Не повторится
Первая любовь.

Мне имя твоё прокричали грачи
В деревьях апрельского сада,
Но я позабыл это имя в ночи —
Какая большая досада!

Мне имя твоё нашептала трава
В зелёную пору покоса,
Но билось у сердца иные слова,
Как море у сердца матроса.

Когда же впервые увидел тебя,
Взошло над мечтами моими,
Как чистое майское солнце, слепя,
Твоё позабытое имя.

Приветствую утро природы,
Его молодую красу
И шумные вешние воды,
И песню в прозрачном лесу.

Приветствую утро природы,
Его бесконечный разлив
И первые смелые всходы,
И нежность разбуженных нив.

Вчера колдовали метели,
Вокруг возводили дворцы,
А нынче грачи прилетели,
А следом за ними — скворцы.

А ныне под синью и солнцем,
Не этим ли знаменит —
Незримым вдали колокольцем
Певец вдохновенно звенит.

Высоко-высоко на воле,
Ликует он, не оробев,
И слушает русское поле
Знакомый чудесный напев.

В тот вечер музыка звучала,
Пластинкой правила игла,
А ты улыбку излучала,
Сама себя не берегла,
Но звуки множили начало
И затопили берега
Моей души,
И было странно,
Что рядом ты, но далека.
Не так ли поздно или рано
Весной вскрывается река
И льдины уплывают плавно,
Как в синем небе облака?

Женщина
Расчёсывает волосы,
В зеркало блестящее глядит.
Света перепутанные полосы
На её волнуются груди.
От чего же полосы волнуются?
Вся она в стекле отражена,
И, стеной закрытая от улицы,
Грудь её почти обнажена...
Тишина.

Ни звука и ни голоса,
В неширокой комнате одна
Влажные расчёсывает волосы
Женщина у белого окна.
Почему же так неосторожно?
Даже занавесок не свела,
Словно так сегодня и положено,
Если красотой расцвела.
И ложатся волосы богатством
На живую обнажённость плеч —
Для кого-то золотистым царством,
Для кого-то

Как по сердцу плетъ.
Красоты нечаянный свидетель,
Открываю грешные глаза.
Так уходят от соблазна дети
И глядят с надеждою назад.
Но теперь, не сожалея вовсе,
Что тогда в окно не постучал,
По плечам распущенные волосы
Вижу в свете белого луча.

Сквозь метели белые и ливни
Я её поныне узнаю —
Полуобнажённую, без имени,
Незнакомку давнюю свою.
Чья она жена или невеста?
Кто её ласкает по ночам?
Почему глядит во тьму невесело,
Волосы рассыпав по плечам?
А возможно, даже не печалась,
В той же узкой комнате одна
Синими глазами излучает
Нежность беспокойную она.
Женщина расчёсывает волосы,
Словно пряжу медленно прядёт.
Тишина.
Ни звука и ни голоса.
И никто, наверно, не придёт.

А почему цветы молчат,
Когда на них легко опустится
И начинается их качать
Седая бабочка-капустница?

Забыты ими все слова.
Им словно не о чем печалиться.
Вокруг качается трава,
И вся земля вокруг качается.

И небо призрачно звенит
Своей прозрачностью медлительной
Кого любить,
Кого винить
За сон случайно-удивительный?

И для чего теперь слова
И даже ветра дуновение,
Когда кружится голова
От промелькнувшего мгновения?..

Всё оставалось, как и прежде,
Вставало солнце, таял снег,
И пробуждение надежды
Во мне звучало, словно смех.

И ты была, как Ярославна
Моих неумерших надежд,
Ходила солнечно и плавно
В парче сверкающих одежд.

Ты за собой меня манила,
А дням всё не было числа.
Ты тайну дивную хранила,
По свету белому несла.

Но в мире слёз, любви и смеха
Я тайну эту разгадал,
И праздник моего успеха
По ветру унесли года.

Просохли слёзы,
Смех растаял,
Но, как и прежде, вновь и вновь
Во мне, меня перерастая,
Живут надежда и любовь.

Ты узор старинный вышей
Тонкой ниткой мулине,
Чтобы небо стало выше
В синеватой пелене,
Чтобы изморозью веток
Постучал в окошко сад,
Чтобы детство строчкой меток
Позвало меня назад
В забытое, родное,
Невозвратное, как сон,
Где в окно моё резное
Катит солнце колесом...
Вышей мне речные волны,
Не сочи себе за труд,
Где над ними света полны
Гуси белые плывут,
А над ними, чуть повыше,
Тоже цвета молока
Пусть плывут (ты только вышей)
Молодые облака.
Будет чисто и красиво.
Вспыхнет радостью мой взор.
Я скажу тебе спасибо
За рисунок и узор.
Одарю тебя стихами,
Ты отдашь на память мне
Песню, спетую руками,
Тонкой ниткой мулине.

ВИКТОР ДРОННИКОВ

ВЕСНУШКИ
Как первую весть обновленья,
Весенний торжественный миг,
Я чутко ловил появленья
Курносых веснушек твоих.
И словно бы древний художник,
Я в тайные краски проник.
Светился, как солнце сквозь дождик,
Твой нежно-веснушчатый лик.
Конечно, смеялись подружки:
«Опять целовалась у верб».
Но вновь убывали веснушки,
Как солнышко шло на ущерб.
Промчались весенние воды
И с вербы безоблачный пух.
И вот через долгие годы
Мелькнуло лицо твоё вдруг.
Мгновение ярко и мило.
Гляжу. Винават без вины.
Зачем же, зачем же ты смыла
Поющие капли весны?

НА СЕНОВАЛЕ
Ночью полнолуной предосенней
Воздух сада ясно-молодой.
Хорошо с любимой спать на сене,
Положив под голову ладонь.
Верещит кузнечик не смолкая,
По углам сарая тишина.
Хорошо, глаза не размыкая,
Быть влюблённым и на грани сна.
И во сне, пропахшем резедою,
Яблоками, утренним лучом,
Чувствовать дыхание молодое
Занемевшим в радости плечом.

Прости мне в пречистом сиянье
За тёмные годы мои.
На тёплой заре покаянья
Не поздно молить о любви.

Не поздно в берёзовой чаще
Заплакать, не чувствуя слёз,
О всех над землёй просиявших
Сияньем соборных берёз.

Когда над бесовством и срамом,
Как древняя совесть земли,
На крыши порушенных храмов
Босыми берёзы взошли.

Прости мне их крестную муку,
Где страшно и глянуть в провал...
Как будто им светлую руку
Скорбящий Господь подавал.

СОН
Не скрипи, коростель, монотонная
птица.
Не шепчитесь, деревья, в зелёном
саду.

Спи, любимая, спи...
На пуховых ресницах
Не легко удержать луговую звезду.

Пусть осыпаются в сон невесомо
зарницы
И шелковых овсяниц золотая
пыльца.

И, как бабочки,
Крылья сложили ресницы —
Это сон подошёл и коснулся лица.

Кем любима она, кем брошена?
Жилка тонкая на виске.
В этой женщине столько прошлого,
Как в дремучей лесной реке.

Как прекрасное из видений,
На скамейке сидит она.
Нежной отцветью всех сиреней
Так прощально озарена.

Встрепенулась, поправив пряжку,
И ушла, как уходят в сны.
Будто солнечную оглядку
Вдруг поймала со стороны.

Ушла в соловьюную поросль,
Туда, где синенют леса.
И долго был слышен твой голос,
Но не было видно лица.
Жалейка играла, в долине
Ложилась широкая тень.
И чудно на самой вершине
Тебя осветила сирень.
Запомнил мгновение это,
Когда уже вся за горой
Ты скрылась, а облако света
Ещё оставалось тобой.

ЗАПОЗДАЛЫЕ СОЛОВЬИ
Легко говорил о любви,
Не верилось в это без муки,
Когда бы не те соловьи,
Что пели о поздней разлуке.
И странно, в сентябрьском саду,
Когда уже листья летели,
В таком несказанном ладу
Они, запоздалые, пели.
Всё было, как в ранней весне.
Каким они чудом остались?
Деревья стояли во сне
И листья не падать старались.

БАБУШКА АНИСЬЯ
— Здравствуй, бабушка Анисья.
— Здравствуй, милый, — говорит.
И опять глядит на листья,
Долго, пристально глядит.

Сколько лет ей? Может, за сто,
Может, больше? Кто сочтёт.
Но ещё она глазаста,
Дои как надо подметёт.

Волосы её, как пена, —
Прах столетия на них,
До десятилетия колена
Помнит родичей своих.

Спросит кто-нибудь бедовый:
— Бабка, ты когда погрёшь?
У неё ответ готовый:
— Как меня переживёшь.

И живёт на белом свете
Древним деревом в роду —
И у смерти на примете,
И у жизни на виду.

